

Выше Бога не буду

Автор:

Александр Литвин

Выше Бога не буду

Александр Литвин

Я – Александр Литвин. Мое имя знакомо вам по передаче «Битва экстрасенсов». Я стал победителем шестого сезона и... считаю эту тему закрытой. Не думаю, что мои способности – чудо или особый талант. И не очень люблю слово «экстрасенс» из-за ассоциаций и стереотипов. Скорее мне ближе «аналитик вероятностей». У меня нет никакого особого дара. Мой дар исключительно в том, что я верю в свои силы. А отобрать веру не может никто. Интуицию, стоящую в иерархии чувств на последнем месте, я бы поставил на первое. Все остальные чувства важны, но они лишь дополнение к ней. Я рассказал свою историю в том числе и для того, чтобы вы узнали, как слышать интуицию, как работает шестое чувство!

Второе переработанное издание

Александр Литвин

Выше Бога не буду

© Литвин А.

© ООО «Издательство АСТ»

Не относитесь к этой книге серьезно, думайте, что это фантастика, тогда вам легче будет поверить

Автор

Моей первой жене Наталье посвящается

2008 год. Осень

Мы строим планы. Планы строят нас.

В одно мгновение моя жизнь и жизнь моих детей изменилась. Никогда не будет, как прежде. Никогда. Ужасное слово.

Все было расписано. Не пунктик к пунктику, но в целом программа была ясна. И что теперь?! Мне было тяжело. Бывший шеф по таможне предложил вернуться на работу. Но я отказался. Сейчас уж точно надо быть рядом с сыновьями. Но оставаться здесь нельзя. Надо возвращаться в Москву. Теперь однозначно. Мы молча сидели на кухне и пили чай. «Ну, что делать будем?» – я взглянул на сыновей. «А что тут поделаешь, папа, надо ехать».

Я не знаю, как теперь работать. Как показывать то, что я умею. Я много что чувствую, но сейчас меня просто отрубило. Да и умею ли я что-то делать вообще? Я не почувствовал смерть... Или не хотел себе в этом признаться? Смогу ли я собраться и выдать результат? Хорошо работать, когда все хорошо. В тот момент мне казалось, что ничего положительного в моей жизни уже нет и не будет.

Уход Натальи перечеркнул все. Я вспоминал нашу жизнь день за днем. Память обострилась и выдавала то одну, то другую картину из прошлого, наши радости и печали, и это было невыносимым. В любом случае надо действовать. Парни мои еще очень молоды, и они должны знать и видеть, как надо держатся. Собралась вся моя родня. Настроение у всех было подавленное. Крутой поворот

моей жизни не мог не отразиться на жизни моего рода. Все были в ожидании перемен. Я сказал, что мы улетаем в Москву. О настоящей своей цели я так никому и не сказал. Секрет есть секрет.

Мы вернулись в столицу. Несмотря на то, что у младшего сына было место в университетском общежитии, я не отпустил его туда. Пока будем все вместе, а потом посмотрим. Нам втроем будет легче, а там, в общежитии, с малознакомыми людьми, он останется один на один с горем. Да и мне будет спокойней, когда он на глазах.

Новый город, новые люди. Мы стали жить по-новому, и я совершенно забыл, что мне 48 лет. Впереди очень много дел. Надо только собраться и успеть сделать как можно больше.

Марина позвонила поздно ночью. Голос ее был не такой веселый, как всегда. Она была предельно вежлива и лаконична: «Испытание завтра». В назначенный срок я приехал в условленное место. Обычно шумные участники проекта и сотрудники съемочной группы вели себя тихо. Ко мне подошла девушка по имени Ольга, какой-то главный администратор. Она говорила слова соболезнования, она волновалась. Похоже, у нее не было такого опыта. И хорошо, что не было. А у меня он был, и мне от этого было плохо. Она еще что-то говорила, я кивал ей, а сам думал об этом опыте. Ну зачем он мне? Такое жестокое испытание, зачем оно моим детям? Я знаю, что в мире все устроено справедливо, просто по времени эта справедливость порой не укладывается в рамки-сроки жизни одного человека. Но тогда это были мысли, всего лишь мысли, которыми я пытался как-то собрать себя. Ольга спросила, готов ли я к работе. Я не знал. Моя готовность будет определена там, на испытании.

Испытание. После ухода Натальи это слово, так часто употребляемое в проекте, уже не казалось мне столь серьезным. Испытание – это когда твои дети страдают от того, что потеряли маму, и ты не можешь им ее заменить. А здесь – работа. Моя работа, которую я должен сделать. Стимулов – более чем достаточно. В названии проекта есть слово «битва». Для меня она будет самой настоящей. Я буду бить свое сомнение, я буду его уговаривать, я буду подсылать к нему шпионов и разведчиков, но я его сломаю. Я обещал.

1.

Мне пять лет. Мы стоим с мамой на автобусной остановке на улице Ленина. Через дорогу – огромный храм. Михайловский собор. Он просто до неба, он невероятно красив и он очень печален. «Мама, а почему там наверху крестик, это что, антенна?» Мама улыбнулась: «Может быть, и антенна...».

Я стоял и смотрел на этот храм, и от его высоты у меня закружилась голова. Это было очень интересное ощущение, и я постарался его запомнить. Много позже я стал это делать осознанно: запоминать свои эмоции и периодически вызывать их в памяти, а пока я просто стоял и впитывал это новое для меня ощущение.

Подошел автобус. Мы сели в него и поехали в центр города. Автостанция находилась возле центрального рынка. Автобусы были переполнены, они приходили и уходили строго по расписанию. Вот в таком битком набитом людьми автобусе третьего маршрута мы подъехали к своей платформе.

Мы стояли в центре салона, я держал мамину руку – это я точно помню: не меня держали, а я держал. Мама направилась было к передней двери, но я, вцепившись в маму, уперся ногами в пол, покрытый черной рифленой резиной, и изо всех сил потянул маму назад. Она в недоумении посмотрела на меня, поняла, что уступить я не собираюсь, пожалала плечами, и двинулась за мной.

В тот самый момент, когда мы выходили из задней двери автобуса, в переднюю на огромной скорости врезался грузовой автомобиль. Я был маленьким и за спинами взрослых не видел, как он летел. Что-то голубое мелькнуло над толпой. Одновременный крик множества людей и... гробовая тишина. Кто-то из стоявших на платформе мужчин подбежал к кабине «Эмки», открыл дверь – и из нее выпал абсолютно пьяный водитель. Он не был без сознания – он был просто невменяемым. «Мама, он сумасшедший?! Так выглядят сумасшедшие люди?!»

Что-то голубое, мелькнувшее над толпой, оказалось маленькой девочкой, завернутой в голубую пеленку. Ее папа выходил из передней двери автобуса и, оказавшись прямо перед мчащимся автомобилем, сумел спасти свое дитя, бросив его в толпу. Ему тоже повезло, он остался жив, только получил перелом бедра и ребер. Я знаю этого мужчину, он живет недалеко от моих родителей.

Уже будучи взрослым я пытался анализировать, что именно почувствовал, когда уперся в пол салона автобуса. Я никогда не был капризным, я всегда слушался старших, я не закатывал истерик, но здесь со мной случилось нечто необычное – я стал главным. Главнее мамы! И смог утащить ее в правильном направлении. Не помню сейчас тех моих ощущений – катастрофа вытеснила все, став доминантой, но то, что решение было принято спонтанно и мгновенно, я помню хорошо.

2.

Мои самые первые воспоминания относятся к 1963 году, то есть к трехлетнему возрасту. Я прекрасно помню день, когда мама купила стиральную машинку «Заря». Это было первое слово, которое я прочитал в своей жизни, и помню это.

Мама привезла машинку на телеге. Телега была самая настоящая, деревянная. Кучер или извозчик, не знаю, как и назвать этого непонятного возраста мужичка в брезентовом плаще, помог маме занести машинку в дом. Не знаю почему, но я решил, что его зовут Кузьма. Так и оказалось. И он очень удивился, откуда я его знаю. А я просто сказал и все, совершенно не задумываясь почему. Сейчас-то я понимаю: это имя ему шло!

Я помню мамино лицо. В те времена стиральная машинка была воплощением настоящего маленького счастья, и я тоже был в этом счастливом облаке. Вероятно, поэтому и запомнил. Так что мое первое воспоминание связано со счастьем! И пусть оно вызвано тем, что мама купила стиральную машинку – особого значения не имеет! Счастье есть! Счастье есть здесь и сейчас!

3.

Почему ботинок называется ботинком? Этот вопрос я задал себе в 5 лет. Почему именно так, а не иначе?

Взрослые не смогли мне ответить. Обычный детский вопрос. Почему тому или иному предмету дают одно или другое название понятно, но почему именно это сочетание звуков – мне было весьма любопытно! С таких вопросов, в сущности, я и начал познавать мир.

Детство мое не отличалось насыщенностью событий. Как говорят мои родители, я их особо не напрягал, и мой дед иногда поражался тому, что я рос, не создавая проблем.

– Вы когда-нибудь берете этого ребенка на руки? – спрашивал он моих маму и папу.

– Нет, не берем. Он не плачет и не просит. Он занимается своими делами.

Я действительно занимался своими делами, и мне никогда не бывало скучно. Я не любил обращать на себя внимание взрослых. Я любил слушать. Я слушал все, что говорят люди. Что-то понимал, что-то не понимал, но каким-то образом догадывался о смысле. Я редко задавал вопросы. Их некому было задать. Тогда я знал меньше, чем сейчас, но одно знание было у меня с рождения и навсегда: никто не ответит мне на мои самые главные вопросы. Но тем не менее я пытался найти ответы.

4.

С возрастом чувство понимания мира стало меняться: я расту, и получаю все больше и больше информации, но этот объем все дальше и дальше отодвигает меня от знаний. Чем больше я узнавал – тем больше было вопросов! В детстве меньше сомнений, и я думал, что чем больше узнаю, тем меньше будет белых

пятен. Я ошибался. Теперь я понимаю, что ошибался, а тогда я просто изучал этот мир. Вероятно, из-за этого начал рано читать. Я вдруг понял, что эти маленькие значки – буквы – позволят мне получить необходимую информацию.

Читать меня научила мама. Как-то незаметно буква за буквой к пяти годам я уже неплохо читал, и мне было страшно скучно в первом классе. До сих пор помню: скорость чтения у меня была сто восемьдесят слов в минуту – на уровне школьника 5?го класса, и не было большого смысла повторять эти бесконечные «а-а... бэ... вэ...», которые бубнили мои одноклассники, для которых «Букварь» был настоящим открытием. Моя соседка подняла руку, учительница обратила на нее внимание: «А Шурик – читает!» Учительница подошла ко мне: «Что ты читаешь, Шурик?» Я достал из-под парты книгу Фенимора Купера «Последний из могикан». Я не испугался, я огорчился – книга была очень интересная, и мне оставалось дочитать всего три-четыре страницы до конца. Учительница спросила, на каком месте я остановился, я показал.

– Интересно?

– Да, очень.

– У тебя сейчас есть кто-нибудь дома?

– Да, мама. Она сегодня во вторую...

Мама работала на заводе посменно. Но слово «смена» никогда не говорилось. В первую или во вторую – и всем все было ясно.

– Иди домой!

Я шел и пытался сообразить: меня выгнали с урока или отпустили, потому что мне не надо учить этот предмет? В голове у меня не укладывалась сама возможность не ходить в школу, потому что я знал: все должны ходить в школу и сидеть там определенное время. И я решил, что меня выгнали! Когда мама спросила, почему я так рано пришел, я ответил, что у меня заболел живот. Мама заволновалась, но я сказал: «Не волнуйся, пока я шел домой, все уже прошло».

Я не считал, что не прав, не сказав маме правду. Мне казалось, что если я начну рассуждать и требовать для себя каких-то преференций, я заставлю родителей волноваться по пустякам, а у них и без меня забот полон рот. Поэтому, собственно, я и придумал больной живот.

От урока чтения меня так и не освободили, и я продолжал страдать от безделья, так как читать на уроках я практически перестал. А на переменах мне очень хотелось бегать. Я бегал и периодически во что-то или в кого-то врезался, но однажды врезались в меня. Так врезались, что я оторвался от земли, пролетел не меньше метра, и с размаху вцепился в стенд «Пионеры-герои». Каждая фотография юного героя была закрыта стеклом. Так как героев было много, то и стеклышек было много, и все они разбились на мелкие осколки. Таран, закинувший меня на стену, благополучно проследовал по школьному коридору, сшибая всех и вся, а я, от удара потерявший контроль над собственным дыханием, присел на корточки прямо в эпицентре разрушения героического стенда.

Моих родителей вызвали в школу. Меня никто и не спросил, как произошло столкновение. Никто меня не слушал.

– Завтра с родителями в школу!

– С обоими?

– Нет, достаточно одного!

И я поплелся домой. Дома я рассказал маме и папе о приглашении.

Утром я шел в школу с папой, и я был очень печален. Я думал, что получу по полной программе ни за что, и мне было страшно обидно, хотя я, собственно, еще ничего и не получил, но мое воображение работало по максимуму. Я ожидал какого-то наказания от папы, и самым страшным наказанием было бы сидеть дома, а не играть с друзьями. Мы шли по улице и догнали директора школы. Этого человека уважала и боялась вся школа! Он был с одним глазом, а второй скрывала черная повязка. Свое ранение он получил на фронте, в тяжелейшем

бою, и для нас, пацанов, был непререкаемым авторитетом. Позже, когда он вел у нас историю, мы мгновенно становились очень взрослыми, когда наш учитель вдруг прерывал свою лекцию, опускался на стул и сидел, как роденовский мыслитель, а из-под черной повязки выкатывалась слеза. Мы знали, что ему больно, и нам становилось его так жалко, что мы боялись потревожить его даже дуновением своего дыхания. Директор был нашим соседом. Он спросил: «Что случилось?» Ведь просто так папы с детьми крайне редко ходят в школу. И спросил он не папу, а меня! Пока мы шли, я объяснил ситуацию. Он понял и сказал, что в визите моего папы необходимости нет. Папа пошел на службу, а мы с директором – в школу.

Потом он еще раз спас меня, когда меня выгнали с урока математики. Я не хулиганил, я сидел спокойно, но мальчик, сидящий сзади, доставал меня тем, что тыкал металлической линейкой в спину. На слова он не реагировал, и мне пришлось повернуться и просунуть кулак в его сторону. Учительница математики была на восьмом месяце беременности, и ей было явно не до нас. Она, не сомневаясь, отправила меня за дверь.

Я сел на подоконник и скучал: книга осталась в портфеле, урок был не последний, а до следующего урока было еще полчаса. От нечего делать я стал прислушиваться к голосам. За закрытыми дверями шли уроки: русский, история, ботаника, в каких-то классах было шумно, а в каких-то тишина. Я увлекся, мне уже не было скучно, и я не заметил, как ко мне подошел директор.

– За что тебя выгнали с урока?

– За шум.

– Пойдем.

Он открыл дверь в класс, строго посмотрел на учительницу и сказал мне: «Иди, садись на свое место».

У меня не было ни обиды, ни досады. Я смотрел на учительницу, лицо которой было сплошь покрыто пигментными пятнами, и я знал, что с математикой у меня не сложится. Не от того, что учителя плохие попадались – нет! Просто я точно

знал: математика мне в жизни не понадобится. С точки зрения школы, это знание могло быть существенным тормозом в моей правильной реализации, но, что более существенно, это знание спасло меня от ненужной мне способности мыслить логически. Позже, эта свобода от логики стала очень важным для меня видом свободы!

5.

С идентификацией у меня была проблема.

Проблема возникла после того, как я вышел за незримую границу своей семьи. Мои родители были настолько сильны, что у них даже мысли не возникало о том, что у меня могут быть какие-то сложности, что я не смогу что-то самостоятельно решить. По сути, специального воспитания, связанного с разбором каких-то ситуаций у меня не было. Ни нотаций, ни рекомендаций. Решай проблемы по мере поступления, и при этом полагайся на свои силы. Наверное, именно это и была самая главная установка, которая потом неоднократно помогала мне в жизни. У меня возникло твердое убеждение в том, что я сам, только сам найду ответы на свои вопросы, просто нужно ждать подходящего момента в жизни. Иногда мне казалось, что такая привычка существенно снижает мои способности к адаптации и подстройке к системе, но события, происходившие позже на основе принятого мной решения, говорили, что все правильно. Надейся на себя и не иди на поводу у большинства. Я очень рано понял, что большинство чаще всего не право.

Сложно признать факт своей индивидуальности, когда все вокруг говорят о том, что мы едины, мы вместе, мы коллектив, у нас общая ответственность, мы одинаковые, должны носить одну и ту же одежду, делать то, что делают все, ходить строем, любить и петь одни и те же песни. Я и сейчас знаю, что ничего никому не должен, кроме своих родителей и детей, а тогда слово «должен» просто загоняло меня в тупик и тоску. Да, это очень удобно, когда есть единообразие, когда мысли и желания одинаковы. Когда не надо подбирать слова, и быть в постоянном поиске баланса. Когда не надо подстраиваться под разных людей, имеющих свой взгляд на жизнь. Проще всех сделать большинством, придумать систему ценностей для этого большинства, поощрять

тех, кто смог максимально встроиться в систему, и назвать эту самую способность встраивания – ценностью.

Мне повезло, мне очень повезло: мой протест против единообразия – детский и совершенно наивный – был воспринят мамой и папой как объективный. Просто он не рассматривался как протест. Их даже порадовало принятое мной решение. Решение, ставшее одним из главных в моей жизни!

Меня, как и большинство детей в моем маленьком городе, определили в детский сад. Я пошел в детский сад станкостроительного завода, на котором в то время работала мама. Мама отвела меня в сад и сказала, что там будет весело. Будет много детей и вообще – дети ходят в детский сад, а взрослые ходят на работу. Я пошел без капризов, любопытство было сильным, и мне хотелось взглянуть, что же это такое – детский сад.

Уют детского сада был каким-то казенным, но не смущал меня, как не смущал запах хлорки и еще чего-то кислого. В первый же день в детском саду я понял, что это место не для меня: мне крайне не понравилось то, что надо спать днем. Зачем мне спать днем? Светит солнце, на улице тепло, а я почему-то должен спать. Спать надо ночью, когда свет от солнца не мешает! К тому моменту мне было 4 года, и меня уже год как не укладывали спать днем, это я помню точно!

Решение сбежать из детского сада пришло ко мне на четвертый день. Я не до конца уверен, что это было результатом недоработки взрослых. Скорее всего, при любом воспитателе я бы принял это решение, и в тот период моей жизни все случилось именно так, как случилось.

До этого момента я не встречал неискренних людей. Меня все любили, а если и сердились, то совершенно без злости, скорее делали вид, что сердились. Но то, с чем я столкнулся в детском саду, привело меня в неопишуемый ужас. Симпатичная воспитательница с ослепительной улыбкой мило разговаривала с детьми. Но мне она не понравилась. Она улыбалась, а я понимал, что она – злая! Злая, как соседская собака, которая периодически облаивала прохожих. У собаки была совершенно свирепая морда. И это было правильно: собака злая, морда злая – все сходится. А здесь не сходилось. И я просто кожей ощущал эту внутреннюю угрозу. Мне было сложно понять одну простую вещь: люди бывают

неискренними. Раньше я с такими людьми не встречался! Родители никогда мне не говорили, что люди могут говорить одно, думать другое, а делать третье.

Воспитательница проявила себя на четвертый день моего пребывания в детском саду, видимо, решив, что уже достаточно понянчилась со мной. Был тихий час. Я, как и в предыдущие три дня, лежал в какой-то не моей железной кровати, смотрел в потолок и мечтал о чем-то своем. Мечтать я умею с детства. Уже тогда я понял, что мои планы реализуются в первую очередь потому, что я очень красиво, сочно мечтаю. Одни могут красиво рисовать, другие великолепно играть на музыкальных инструментах, а я умею мечтать! Вот и в тот раз я мечтал. Я не баловался, не приставал к другим детям, не ворочался. Но не спал! И это было нарушением правил.

Она подошла ко мне, схватила за пижаму и швырнула в угол. Вот теперь был баланс: злое лицо – злые эмоции. Я не испугался, я отстоял положенное время в углу, а на первой же прогулке нашел дырочку в заборе, пролез через нее, и пошел на работу к папе. Я знал, где он работает.

Я пришел на КПП воинской части и попросил огромного солдата, дежурившего там, позвать моего папу. Тогда все солдаты мне казались огромными и очень взрослыми. Боец спросил, как зовут моего папу. Я сказал, что его зовут Богдан. Этого было достаточно. Из тысячи человек личного состава полка мой папа был единственным Богданом.

Это был последний день, когда я посетил детский сад в качестве воспитанника. Потом еще много раз я приходил в детский сад, но уже в качестве папы, и всегда очень внимательно смотрел на воспитателей моих сыновей, чтобы не допустить их раннего контакта с человеческим лицемерием. Я объяснял им, что люди в своей массе слабы, поэтому лукавят, лгут, лицемерят, играют какую-то роль, но именно из-за того, что это их слабость, нужно быть снисходительным.

Сейчас, когда я слышу, что дошкольное детское учреждение необходимо для всестороннего развития личности, мысленно улыбаюсь. Во-первых, сам критерий не корректен: всестороннее развитие невозможно. Мы все, все

без исключения, чертовски талантливы, но наши таланты весьма ограничены в сферах применения. Стремление к постижению всего, что есть на планете, мне нравится, но это должно быть стремление общества, а не отдельного человека. На то мы и люди, чтобы быть разными, потому, что в нашей разности, в нашем многообразии и есть наша сила. На уровне планеты, ее строения, это очевидно: есть вода, земля, горы, леса, холодные и жаркие материки, и многообразие животного и растительного мира. Природа поддерживает совокупный талант – планету, но не сможет оказать поддержку одному человеку, чьи интересы будут безграничны. Я не исключение и, конечно, не всесторонне развит, но то, что я имею и умею делать – это, скорее, вопреки системе и благодаря семье.

6.

Я часто оставался один дома. Старшая сестра уходила в школу, родители – на работу, и я был предоставлен самому себе. Да, в пять лет меня оставляли дома одного! Ненадолго, часа на три, не более, но оставляли.

Я очень любил свой дом. Дом, который построил мой отец. Он построил его своими руками, а мама сделала его уютным. Я знаю в этом доме каждый закуток, каждый гвоздь и каждый сучок в половицах. Папе тогда было двадцать семь. Он все сделал сам – от фундамента до крыши. Мои родители и сейчас живут в этом доме: когда родители стали старыми, я не предлагал им переехать в квартиру, я просто капитально отремонтировал свой дом, свое отечество. Мне был ровно год, когда мы отметили в нем новоселье. Я, конечно, не помню этот момент, я помню только ощущение безопасности. Мой дом – моя крепость! Так было с самого детства.

Мне не было скучно в моем доме. Мама оставляла мне альбомы с фотографиями, и я с удовольствием рассматривал фотографии родственников и совершенно незнакомых мне людей, некоторые меня очень сильно интересовали, и позже я устраивал допрос: а кто это, откуда, кем нам приходится, как и где живет, почему такая одежда, почему уже не живет, отчего умер и много-много прочих вопросов. Я пересматривал альбомы с фотографиями, играл с какими-то игрушками, оживлял их и устраивал целые спектакли, и порой мне казалось, что

я всего лишь зритель, а игрушки играют сами по себе.

Я взбирался на подоконник и смотрел на водонапорную башню. Башня в то время была самым высоким зданием в городе, ну, по крайней мере, в тех районах, где я бывал. Сейчас это символ города – красивая, строгая и монументальная, а тогда башня была для меня символом возвращающейся с работы мамы. Именно со стороны башни она приходила домой, и я очень радовался, когда мне удавалось ее заранее заметить. Ведь тогда я успевал спрятаться и разыграть ее. В руках у нее всегда был ридикюль и какая-нибудь авоська – в ней мама часто приносила что-то вкусное.

7.

Мою маму зовут Эльза. Это была единственная Эльза в моей жизни и в жизни многих других людей – жителей нашего маленького провинциального городка. Моего папу зовут Богдан. Он тоже был единственным человеком с таким именем в нашем городе. И вот эта уникальность имен родителей ставила меня в несколько неудобное, неловкое положение. Но и делала меня не таким, как все! Такой вот небольшой штрих дал мне ощущение, что я не такой!

В детстве мне часто приходилось отвечать на этот вопрос как детям, так и взрослым: почему у твоих родителей такие странные имена? Я бы выделил имена мамы и папы в отдельный пункт – пункт, который ни в коем случае не создавал мне комплексов, он просто послужил толчком к изучению истории моей семьи. Тогда не было ни книг, ни Интернета, и волей-неволей приходилось задавать вопросы родителям. Они у меня совершенно простые люди, нашедшие друг друга в силу исторических событий, произошедших задолго до моего появления на свет. Нам иногда кажется, что история – это где-то далеко и не имеет никакого влияния на нас, здесь живущих. То есть в глобальном плане – да, имеет, а вот на частном уровне... Многие не отдают себе отчета в том, что история цепляет каждую жизнь, судьбу каждого человека.

Мой отец родился на Западной Украине. Он русин. Возможно, некоторые даже и не слышали о такой национальности. Но она есть! До 1939 года территория Львовской области, на которой родился мой папа, принадлежала Польше.

Мой дед родился там же, но это была Австро-Венгрия. Для моих одноклассников и друзей детства это было невероятным! Какие далекие края! Это же за границей!

Папа был военным служащим и служил отлично! Кстати, это одна из семейных характеристик. В той деревне, под Львовом, всех мужчин моего рода звали не иначе как гвардейцы.

Я знал с детства, что у меня есть родственники в Канаде по отцовской линии. Они эмигрировали в 1939 году. Папа не делал из этого тайны и не говорил мне о необходимости скрывать эту информацию, но мне моим детским умом удалось понять, что особо распространяться на эту тему не стоит – незачем. И потом, люди любят рассказывать про свои особенности, а моих и так было достаточно. Когда кто-то говорил, что его папа может это или вот это, я говорил, что моего папу зовут Богдан. И этого было вполне достаточно для поддержания детского авторитета!

Была у моего отца и, соответственно, у меня еще одна интересная, а для моего городка просто уникальная, особенность. Вот она-то мне в детстве кровь попортила основательно, но потом неоднократно выручала меня при общении с преподавателями, чиновникам и прочими людьми, по долгу службы читающими наши биографии и анкеты. Папа был не просто Богдан. Он был Богдан-Ярослав! Именно так в его свидетельстве о рождении и было написано: Богдан-Ярослав Литвин. А в моем – Александр Богданович-Ярославович!

– У тебя что, два отца? – спросила меня учительница в классе.

Вот от учителя-то я ну никак не ожидал такого вопроса, да еще заданного на весь класс. Громко и четко!

Все одноклассники внимательно смотрели на меня. Их было двадцать восемь, моих одноклассников, и они молча пялились на меня. Я тогда не знал слов «боже мой, какая дура», поэтому тихо сказал: «Нет, один, просто у него два имени».

Как так?! Класс был обескуражен. Не может человек иметь два имени! Только одно! А мне сложно было за те несколько секунд объяснить, что на западе нашей страны и в Европе это нормальное явление. Но оно было настолько

невозможным здесь, на Урале, что моя взрослая, опытная, и даже заслуженная учительница ничего лучше не придумала, как на весь класс озвучить свой вопрос. Из-за этого дурацкого вопроса я просто еще раз стал не таким, как все.

И этот пункт был одним из основных в фундаменте моего понимания мира. Я думал так: поскольку уже в самом моем имени есть необычные моменты, значит, я и сам тоже отличаюсь от других. Пока не знаю – в лучшую или худшую сторону, но отличаюсь.

Мамино имя доставляло мне меньше сложностей. Такое обычное немецкое имя Эльза, совсем не характерное для Южного Урала, тем не менее оно не вызывало вопросов в моем окружении. В переводе Эльза – «почитающая Бога», что, как мне кажется, полностью соответствует моей маме. Вот так у меня и получилось: почитающая Бога мама и Богом данный отец. Значения их имен сплелись в союз. Мне нравятся имена моих родителей. Я не могу представить их другими. У меня даже вопросов не возникало, почему их так назвали. Это их имена! И я помню эти имена с самого рождения, вернее знаю, что помню.

8.

Я не очень любил ездить к бабушке и дедушке, потому что там был тотальный контроль. Бабушка строго следила за тем, чтобы мы куда-нибудь не вляпались – она была очень заботливой, а дед был человеком деловым, носил круглые очки, которые периодически терял, читал газеты и занимался домашними делами. У него всегда была работа. Летом он пропадал на картофельном поле – и его двадцать пять соток всегда выглядели образцово. Осенью продавал картошку на базаре. На большую телегу, похожую на арбу с большими колесами, он грузил по два-три мешка и вез их на базар. Однажды я увязался с ним.

Была теплая осень. Я то бежал рядом, то запрыгивал на телегу, и так мы потихоньку добрались до места. День был удачный, дед все быстро продал, и мы пошли с ним по рынку от прилавка к прилавку. Дед очень любил радовать нас всякими сладостями. Он накупил каких-то фиников, дыню, арбуз и виноград, и мы отправились домой. На выходе с базарной площади стоял небольшой вагончик, внутри которого был стрелковый тир. Стрелять я обожал, поэтому спрыгнул с телеги и помчался в этот самый вагончик, чтобы быстренько

посмотреть на винтовки, а, если повезет, и подержать в руках. Я увлекся, я сильно увлекся и не заметил, что прошло десять или пятнадцать минут. Вышел из тира – ни деда, ни телеги...

Сначала я не испугался, я стал просто внимательно смотреть по сторонам, надеясь увидеть хоть какие-то ориентиры. Но сквозь огромную толпу было решительно невозможно что-либо разглядеть. И тогда я пошел к тем воротам, через которые мы пришли на рынок. Вышел на улицу Гагарина и попытался сообразить, в какой стороне мой дом. Но не увидел ничего, что давало бы хоть какую-то подсказку. Тогда я закрыл глаза, постоял немного, открыл их и просто пошел наугад. И тут мне стало по-настоящему страшно. Не знаю, что именно вселяло страх, может быть то, что я впервые остался один в большом городе. Скорее всего именно это. Каким-то образом я успокоился и... побежал. Лет до двенадцати я никогда не ходил, я всегда бегал. Я бежал и смотрел вдаль – и наконец увидел ее, свой ориентир, свою башню! Я рванул к ней. Подбежал и тогда сообразил, в какой стороне мой дом.

Я бежал все дальше и дальше в сторону дома, и настроение было замечательным. Мне оставалось совсем немного, примерно с километр, когда меня догнал мой папа. Он ехал со службы домой и, увидев меня, был очень удивлен: «Что ты здесь делаешь? Где дед?» Я опустил глаза: «Папа, дед потерялся! Надо его искать». Мы сели на мотоцикл и поехали в сторону дедовского дома. Догнали деда на мосту через реку. Он шел очень энергично, и по его походке я понял, что мне сейчас очень сильно достанется! Мы поравнялись, он обернулся, и я услышал его вздох. Мне было стыдно. Дед написал заявление о моей пропаже и шел домой из милиции уже предвкушая встречу с моей бабушкой, ведь эта встреча ему явно ничего хорошего не сулила. Потерять внука в огромном городе – это же верх безответственности! Но я нашелся и все были счастливы. Да, мы были счастливы.

9.

Моя сестра была старшей внучкой, а я был старшим внуком – к тому времени уже появились наши двоюродные братья и сестры. Нас было пятеро, и мы часто все

вместе собирались у бабушки. Она пекла невероятные лепешки и всякие вкусности! И много рассказывала, очень много. Как оказалось, рассказывала она в основном для меня. Никто из моих братьев и сестер сейчас не помнит ее рассказы, только я. Это были не просто рассказы – это были лекции, и во многом благодаря этим лекциям я сейчас пишу эти строки. Она не читала их в классическом виде – она учила, сама того не замечая, а я, как губка, впитывал ее рассказы, ее знания, и запоминал все, что она говорила. Она умела разгадывать сны. Откуда пришло это умение, она и сама не знала, просто всегда правильно их истолковывала.

Бабушка рано осталась сиротой, ее жизнь не была легкой, как, впрочем, и у огромного числа живших в ту пору людей. В голодные двадцатые годы она была доведена до отчаяния длительным отсутствием еды. Она заболела тифом, она не ела уже три недели, и помощи ждать не приходилось. Она пила воду и старалась не двигаться, но силы уходили, и в какой-то момент она решила: все, хватит мучиться! Взяла веревку, сделала петлю и накинула ее на шею. Кровь запульсировала, застучала в голове, еще мгновение – и все бы закончилось, но ей стало очень страшно, она верила в Бога, поэтому взяла себя в руки и скинула петлю. А на следующий день кто-то принес муки. Немного, всего лишь горсточку, но ей хватило, чтобы поесть и окончательно прийти в себя. Безысходность, отсутствие надежды, одиночество – все это сильно обострило ее интуицию, она стала прислушиваться к себе и стала себе доверять.

Много позже я понял причину этого доверия. Конечно, мне не хватало именно этого – состояния крайнего стресса, но пример моей любимой бабушки позволил мне научиться доверять себе без такого страшного опыта.

По утрам бабушка поила нас чаем. К подъему детей у нее всегда все было готово. Из кухни вкусно пахло чем-нибудь печеным. Она знала тысячи рецептов и из, казалось бы, простых ингредиентов умудрялась испечь невероятно вкусные пироги и булочки. На столе был колотый сахар, сейчас такого не встретишь, а тогда в каждом доме были специальные щипчики для колки сахара. Сахар был твердый, как камень, и невероятно вкусный и сладкий! Дед клал на ладонь большой кусок и бил по нему обушком ножа. Бабушка периодически напоминала ему, что есть специальные щипцы, но деду нравилось колоть сахар ножом. Я грыз эти сладкие ледышки с особым удовольствием, тем более, что бабушка говорила: «Ешьте сахар – будете умными!» А я был и рад стараться! Я

очень хотел быть умным. Но Лобачевского из меня, как видите, не вышло. Видать, бабушка что-то другое имела в виду...

Утреннее чаепитие не было молчаливым. Бабушка часто задавала нам один и тот же вопрос: «Ну, рассказывайте, кому что снилось?» Мы рассказывали сны, а она их растолковывала. Как же было обидно тому, кто ночью ничего не видел! Иногда она рассказывала свои сны и говорила, к чему это приснилось. А иногда она заказывала сны. Я знал такие моменты. В такой день она шла в баню. Надевала все чистое, стелила новое постельное белье и вечером она уже ни с кем не говорила – ни слова! Только перед самым сном я слышал ее негромкую молитву. Утром она рассказывала нам о событиях, которые произойдут чуть позже. Она, например, говорила, что у моего дяди, ее младшего сына, тяжелый период, он много пишет, работает, но все будет хорошо. Она говорила, что больше не будет голода, а война будет на востоке, но нас не коснется. Она говорила, что приедут гости с запада, и многое, многое другое. И мы ей верили, потому что она не ошибалась.

Во время Великой Отечественной войны к моей бабушке приходили солдатки и спрашивали, придет ли муж, сын или брат с фронта. Я не знаю этот ее метод, но результат она узнавала по паутине, которую плел посаженный в банку паучок.

Однажды она сказала: «Миром будут править желтолицы». Мороз по коже после ее слов просто ошпарил меня! Я тогда ничего не понимал в политике и практически ни в чем еще ничего не понимал, но ее слова так сильно меня зацепили, что я никогда не забуду это ощущение. Сейчас я знаю: это ощущение истины!

Если мороз по коже, значит, я точно попадаю в цель. Тогда этот озноб был первым. Сейчас, написав эти строки, я тоже чувствую холод. Значит, это истина!

Как-то мы с бабушкой шли по улице и услышали карканье вороны. «Каркай на свою башку», – сказала бабушка. Я прицепился к ней: «Зачем ты так говоришь?» «Я говорю так, чтобы не было плохих вестей. Ворона – вестник. Просто так каркать не будет. Может, и не для нас каркает, а вот для тех людей, но, на всякий случай, я заткну ей клюв. Нечего народ пугать!» Ворона действительно замолчала, а я запомнил.

Бабушкино мировоззрение и способность увидеть связь между людьми и природными явлениями, животным и растительным миром, нашим действием или бездействием, ее память и следование народным традициям были именно теми необходимыми условиями для того, чтобы я стал себе доверять. Ее нелегкая жизнь была примером не только для меня, но и для моей мамы – моего второго учителя.

10.

Моя мама помнит 21 июня 1941 года. Ей было девять лет.

Она шла по полю и увидела кроваво-красный закат. Столб красного цвета на западе уходил в небо. Она пришла домой и рассказала бабушке. «Это война!» – бабушка стала собирать припасы, но надолго их не хватило. Опять был жуткий голод – корова, кормилица всей семьи, была в запуске, и должна была вот-вот отелиться. Из еды в доме не было ни крошки.

Бабушка уложила детей на кровать, и четыре дня они не вставали. А на пятый корова отелилась, и бабушка напоила детей молозивом. Она не сомневалась, что эта война закончится победой! И моя мама не сомневалась! Они видели сны и о начале большой беды, и о ее окончании. И понимали: надо выжить! Мама хорошо помнит страшный февраль 1942 года. Она тогда была самой старшей, и до сих пор самая главная ее забота – накормить всех.

Помнит она и самую страшную бабушкину досаду. Не обиду, а именно досаду. В моей семье все очень любят чай, даже папа, который до 18 лет не пил его ни разу: во Львове, где он родился, и сейчас чай не особо жалуют, а в годы его детства, кроме кофе, там никто ничего не пил. Так вот, во время войны чай, как и все прочее, был страшным дефицитом. Бабушка надоила молока, сделала сыр и поменяла его на чай. Она шла с рынка в предвкушении большого семейного чаепития. С порога поставила чайник на плиту, достала пакет с чаем, засыпала его в заварочный фарфоровый чайник и, к своему ужасу, обнаружила, что купила спитый чай! Спитый – ранее заваренный и высушенный. Обменянный на сыр, самый настоящий сыр, который бы могли съесть ее голодные дети. Она только сказала: «Может, у этого человека просто ничего нет, и у него тоже есть дети». Но эта досада все же была с ней всю ее долгую жизнь.

Моя мама во многом похожа на бабушку. Сны, приметы, знаки – все это было в порядке вещей.

А еще она научила меня очень аккуратно обращаться с эмоциями. Хоть и не сразу, но я понял, насколько сильна человеческая эмоция и как она может влиять на окружающий мир, а мир в свою очередь – на нас.

У отца были брюки. Одни брюки. Единственные выходные брюки из бостона. Мама их как-то выстирала и повесила сушить. Утром их не оказалось.

Мама была очень огорчена, и несмотря на свои знания в отношении желаний, потеряла контроль над переполнявшими ее эмоциями. Она сказала одну фразу: «Да отсохнут твои руки!» А вечером соседу, живущему неподалеку, уголовнику по кличке Кислый, прострелили руку в локтевом суставе, и рука стала сохнуть и отсохла. Мама у меня сообразительная, поняла, в чем дело. Она встретила его и в глаза сказала: «Ну что, второй рукой тоже будешь мое белье воровать?» Уголовник шарахнулся от нее, как от чумы, а позже и вовсе уехал из города.

Мой дед никогда не ругался с бабушкой. Нет, сначала он, конечно, пытался навести патриархальные порядки, но очень быстро понял: если бабушка обижена – все! Ничего у него не получится, и все будет просто валиться из рук. Дед у меня тоже был крайне интуитивным, поэтому они жили без скандалов и ругани. Я просто не помню ничего подобного в их жизни!

11.

По линии моей мамы чудес хватало, но и по линии отца необычных вещей хватало тоже. Самым главным чудом для меня было то, что мой дед, русин, кроме родного, владел еще пятью языками: украинским, русским, венгерским, ивритом, польским и немного немецким. Он был строителем, и в тех странах, где строил, изучал языки, и это ему давалось легко и просто. В разговорах с родней

по линии отца дед выступал в качестве переводчика. Если бы это был украинский, я бы, наверное, все понял, но язык русинов отличается от него, и мне не знаком.

Моя русинская родня очень религиозна. Они искренне верили, верят и будут верить, и никогда не нарушат заповеди – это в крови! Они верят очень серьезно! И эта вера помогает им относиться к такой важной составляющей нашей жизни – смерти – как к явлению не просто не вредному, но необходимому, и они никоим образом не делают из этого трагедии.

Однажды я залез на чердак и, к своему изумлению, увидел там стоящий на подставках настоящий гроб. Он был шикарным! Полированное дерево благородного оттенка, ни одного видимого стыка. Какая-то идеально гармоничная форма. Произведение искусства! Его пропорции и качество работы меня просто поразили, и только потом пришло понимание и испуг – это же гроб! Мне было всего семь лет, и к этому возрасту наш род из двух моих корней еще не терял родных. Я пришел в ужас от того, что кто-то умрет. Спустился с чердака и тихо спросил папу: «Папа, а зачем там гроб? На чердаке». Папа улыбнулся: «Это ты у деда спроси – это ж его гроб».

Дед совершенно серьезно, несмотря на то, что перед ним ребенок, сказал, что придет время помирать и в принципе большого значения не имеет, в каком гробу будет лежать его тело – душа все равно будет на небесах: «Но я все-таки мастер, и хочу, чтоб меня по деревне в красивом гробу понесли. Не доверяю я другим мастерам. Собственный мне очень нравится!»

Такое отношение к смерти меня крайне удивило. Это был шок, вернее, часть шока – вторую половину я пережил позже. Дед в свой срок ушел в мир иной, ему выделили участок «с перспективой», на двоих. Бабушка была намного моложе деда, но тоже достаточно легко относилась к смерти. Ничуть не сомневаясь, она велела – именно велела, такая уж она была: командовала и дедом и всеми остальными – заказать два красивейших мраморных памятника и установить их одновременно в день похорон деда. На дедовском были даты рождения и смерти, а на втором только – имя и фамилия бабушки и дата рождения. Вторую дату нанесли много лет спустя, когда пришло и ее время.

Мне их очень не хватает, моих дорогих бабушек и дедушек! С каким удовольствием я бы помогал и заботился о них сейчас, но, увы, моя благодарность за науку – только слова и эмоции. Я знаю, что они все видят – не без этого. У меня была встреча с ними, со всеми моими ушедшими родными. Я с ними встречался и это, наверное, было самое удивительное событие в моей жизни.

12.

Я отслеживаю три поколения моей родни и в ужасе вижу, что на каждое из них пришлось испытание голодом, холодом, войнами и прочими напастями и, может быть, поэтому надежда на Бога и на себя так обострила их интуицию, их способности и их возможности. Я говорю о своих корнях, о своих истоках, о тех людях, которые влияли на меня. В моем роду были разные люди – очень хорошие и очень плохие, но чем больше я размышляю о том, когда человек становится хорошим, а когда плохим, тем больше погружаюсь в историю своей страны. Как же круто история страны меняла историю моего рода!

Мой прадед по линии мамы до революции имел большой дом. Он не был капиталистом – он шил модельную обувь, она была красивой, и на тот момент весьма дорогой и модной. Он шил не только ради заработка – он был обувщик от Бога. Когда его старший сын в 1905 году поехал на соревнования по конькобежному спорту в Париж, мой прадед попросил его привезти из Парижа две пары самой модной обуви – женскую и мужскую. Сын привез то, что просили, а еще он привез золотую медаль! Я никогда ее не видел – мои дяди потеряли ее в пятидесятых годах.

От владельца медали в нашем роду осталась шинель. В детстве я еще не понимал, что такое – каппелевская шинель. Позже узнал, что старший брат моего деда служил в царской армии, а потом в белой армии под командованием генерала Каппеля. А мой дед служил совершенно в противоположной системе – во время гражданской войны он был красноармейцем. Писарем. Ну, казалось бы, чего такого героического – писарь? А между тем, мой дед, окончивший гимназию

с отличием, получил личное благодарственное письмо от председателя Временного правительства Керенского за выдающиеся успехи в учебе – это письмо до сих пор хранится в нашей семье. Так получилось, что во время гражданской войны деда мобилизовали, дали коня и трехлинейку, и отправили служить в армию легендарного комдива Блюхера, где дед и стал писарем. Почерк у него был каллиграфический! Читая его письма, я всегда удивлялся постоянству стиля: буква к букве, как будто отпечатаны на удивительной печатной машинке. Вот таким красивым безукоризненным почерком мой дед и записал допрос адмирала Колчака. Да, того самого легендарного адмирала Колчака! Вот такое хитросплетение событий. И это хитросплетение заставляло и заставляет меня тщательно изучать историю своего рода, а вместе с ней и историю своей страны, и не только своей страны, а еще и историю Польши, Австро-Венгрии и Украины.

От деда в нашей семье осталась буденовка, а от его старшего брата – каппелевская шинель. Дед не был коммунистом. Он прошел две войны, но иначе, как крохоборами, коммунистов не называл. Ему было сложно – идеалы его семьи были разрушены, свободы нет, и только понимание того, что никто на этом свете не позаботится о его семье и что надо выжить, определяло его жизнь. Я не вправе осуждать его за действие или бездействие – я не жил в то время. Я знаю только одно, и мне этого более чем достаточно: мой дед был честным человеком.

В 1941 году он пошел на фронт. Был в армии Доватора, участвовал в атаках кавалерии на немецкие танки. Он не бегал от войны. В 1942 получил тяжелейшее ранение и до 1944 года его выхаживали в госпитале в Череповце. Слава Богу, выходили, и сейчас у меня есть возможность рассуждать об истории прошлого с точки зрения одного, но правильного человека, на глазах которого происходили события, определившие развитие территорий под названием СССР. И эта точка зрения существенным образом отличалась от того, что мне рассказывали в школе.

В моей родне по линии мамы есть много интересных людей, но один человек в нашем роду считается легендой. Это дядя моего деда. Так получилось, что его призвали служить на флот. И он много лет прослужил под командованием адмирала Макарова и вместе с этим легендарным адмиралом совершил кругосветное путешествие. Для меня он был каким-то идеалом. С самого детства, с того момента, как только я узнал о нем. Я постоянно расспрашивал деда, бабушку и маму – я хотел знать про него все, а они знали совсем не много. Он умер, когда ему было далеко за девяносто, а мне – только два года. Я, к сожалению, его не помню. Но все родственники, дед, бабушка, мама и папа, отзывались о нем как об уникальной личности.

Рассказывали, что после службы на флоте, выйдя в отставку, он начал лечить людей. Жил он в Оренбурге, и был там очень известным человеком. Лечил он, на первый взгляд, достаточно просто: клал руку на голову больного и читал молитву. Его молитва была сильной, очень сильной. За один раз он снимал всю симптоматику эпилепсии – раз и навсегда! Как-то он приехал к нам, когда моя старшая сестра сильно заболела. Он взял ее на руки и она выздоровела – моментально! Моя мама до сих пор с трепетом вспоминает этот момент. К нему съезжались со всей нашей необъятной страны, а в те дни, когда он бывал у нас, люди находили его и просили о помощи.

Он был очень набожным! Мама как-то рассказала такую историю. Ей в детстве подарили маленького заводного цыпленка. Он заводился ключиком и, как настоящий, клевал зерна. Наша легенда, увидев такое чудо, снял с ноги тапок и разбил игрушку, приговаривая: «Выше Бога не будешь!» Во всей этой истории меня всегда поражала не косность его мышления, а вера. Он верил по-настоящему, иначе не сумел бы совершить огромное количество чудес, о которых и сейчас помнят в уральских степях.

14.

Мне девять лет. Мы с сестрой в городском саду. Играет музыка, множество людей. Мы купили мороженое, потом купили газировки из автомата, по три копейки стакан, и пошли на карусель. Сестра купила билеты, и нам оставалось

только сесть на свои места, как я обратил внимание на двух подростков несколько старше меня – они мне не нравятся! «Ира, давай не пойдём кататься, вот эти парни мне не нравятся.»

Ира посмотрела на ребят.

– Не выдумывай, ничего особенного, поехали.

– Нет, я не поеду! Они мне не нравятся!

– Ну, как хочешь, я поеду одна.

Она села на свое место, карусельщик проверил застёжки и включил рубильник. Карусель закрутилась, все быстрее и быстрее, все выше и выше поднимая от земли кресла с катающимися детьми. Ребята, которые мне не понравились, каким-то образом зацепили пустое кресло и стали им баловаться, придавая ему дополнительное ускорение. В следующее мгновение это кресло достигло кресла моей сестры и с силой врезалось в него. Удар пришелся прямо в колено, и от сильной боли Ира потеряла сознание. Капли крови из разбитого колена веером разлетались вокруг. Карусельщик заметил, что произошло, и выключил аттракцион. Я побежал к Ире, но какая-то женщина оказалась раньше возле сестры. Она отстегнула страховочную цепочку, уложила Иру на скамейку, зритель карусели принес аптечку. Нашатырный спирт привел Иру в чувство. Женщина наложила повязку на разбитое колено, и мы потихоньку пошли на автобусную остановку.

– Ну что ж ты, говорил же тебе, не нравятся мне эти ребята.

Ира кивнула.

– Ну вот, все же уже случилось, что уж теперь поделаешь...

– В следующий раз слушай, что говорю!

Ира старше меня на три года, но тогда старше был я. Да и сейчас тоже.

Сам я про этот случай забыл, это Ира мне напомнила, когда я сказал ей, что буду писать эту книгу.

15.

В моем детстве было много хороших моментов. Я очень любил, когда к нам приезжали гости. Тогда не было сотовой связи, а телефон в доме моих родителей появился не так давно – я сам его установил уже будучи военным пенсионером. В моем детстве для общения с родственниками пользовались почтой. Мы все умели писать письма и с удовольствием их получали, и только моя бабушка получала вести от близких в своих снах.

Ее младший сын, мой дядя, учился в мореходном училище в Мурманске. Он был просто уникальной личностью! Легко учился в школе на отлично, но в силу обстоятельств тех лет не получил полного среднего образования и пошел работать и учиться в ШРМ – школу рабочей молодежи. Окончив ее, поехал в Мурманск – поступать на судоводительский факультет. Он всегда мечтал о море. Я не знаю, откуда была эта мечта. Может, тот наш родственник, который совершил кругосветное плавание с адмиралом Макаровым, его подтолкнул, или так же как и у меня, любопытство и мечта о дальних странах привели его на порог этого учебного заведения. Но в дальнейшем его выбор и на меня оказал серьезное влияние: я не стал моряком, но путешествий в моей жизни было предостаточно.

Итак, мой дядя приехал в Мурманск. У него был отличный аттестат, но не было очень важного в то время документа – служебной характеристики, без которой тогда не принимали ни в один ВУЗ страны. Дядя был очень огорчен этим – времени было в обрез, и он отправил на Урал телеграмму: «Срочно пришлите заверенную характеристику с места учебы». Моя тетя, тогда еще совсем молодая и очень энергичная, направилась в школу рабочей молодежи. Директор там был – самый настоящий педагог и мастер своего дела. Он помнил всех своих выпускников и, ничуть не сомневаясь, написал характеристику и поставил на нее синюю гербовую печать. Получив этот документ, приемная комиссия была в некой растерянности. Обычно характеристика имела определенную форму с анкетными сведениями, упоминанием об отношениях в коллективе, участии

в общественной деятельности. Разница была только в ведомственной принадлежности. Допустим, в моей армейской характеристике было написано: военную и государственную тайну хранить умеет. А характеристика моего дяди выглядела так: «Характеристика дана ФИО. Очень умный. Восклицательный знак. Директор ШРМ». Подпись. Печать.

Дядя успешно выдержал вступительные экзамены, а бабушка ждала от него известий. Он периодически присылал письма, но не так часто, как хотелось бы, а о телефонных переговорах не было и речи: ни денег лишних, ни времени. В нашей стране еще долгое время для того, чтобы поговорить по телефону, надо было идти на переговорный пункт, ждать там своей очереди и кричать как можно громче, так как связь была просто отвратительной! У бабушки не было терпения, и она смотрела сны. И была спокойна: у сына все нормально. Она рассказывала всем свои сны про него и их значение, и никто не сомневался в правдивости ее информации, так как к тому моменту скепсис даже у самых недоверчивых членов моего клана был нивелирован следующими за ее снами событиями.

Бабушка никогда никого не ждала раньше времени, и практически всегда знала, кто приедет. Иногда она брала в руки карты и гадала. Так уж вышло, что и у меня это тоже неплохо получалось, возможно, получится и сейчас – давно не пробовал. Ребенком я запомнил все варианты расклада, специально она меня не учила, все как-то само собой получалось. Раскидывая свои карты в очередной раз, она сказала: «О, скоро гости в дом. Много гостей издалека». Кто, она не знает. «Кто бы это мог быть?» – спросила моя мама. Нет, гости ее, конечно, не пугали, ей просто было интересно знать, кто именно приедет. Она напекла пирогов, а на следующий день приехали гости – бабушкин двоюродный брат из Семипалатинска, а с ним еще какие-то люди. К их приезду все было готово!

Я всегда любил гостей и особенно любил их слушать. А когда приезжал мой «морской» дядька, я не отходил от него, доставая вопросами: что там, как там, какой океан, какой корабль, какие люди-иностранцы, как ты с ними говоришь? Миллион вопросов сваливался на одного человека. Но он очень много знал и с удовольствием отвечал, а я все запоминал и думал: когда-нибудь я тоже поеду на остров Тенерифе, и увижу Санта-Круз, и поплыву на корабле, и буду

поднимать паруса! Позже я действительно поехал, и увидел, и поднимал! Все, что было в моем детстве в мечтах, позже действительно произошло со мной в реальной жизни. Все, кроме одного: я так и не понимаю английский язык. Именно не понимаю. Когда я что-то объясняю иностранцам на английском, они меня понимают, а вот я их – нет. Думаю, это из-за того, что когда-то я неправильно поставил задачу Мирозданию. Надо было сказать «я хочу понимать язык англичан», а я сказал, что хочу знать английский язык.

16.

Мой первый юбилей чуть не оказался последним. Я хорошо помню этот день – 25 июля 1970 года. Мне исполнилось десять лет.

Было огромное количество подарков. До этого дня мне не дарили так много подарков за один раз. Больше всего запомнился огромный букет и сабля. Мне никогда не дарили цветов, это было впервые. Взяв в руки букет, я подумал: странное дело, цветы обычно дарят женщинам, мне-то зачем цветы? Букет мне сразу не понравился. Я люблю цветы, но только живые, а эти были срезанные. Огромный букет белых лилий, которые не пахли – попытка понюхать их только испачкала пыльцой мой любопытный нос. Но я был в хорошем настроении, вокруг были все свои – дядьки, тетки, сестры и братья, бабушка – всего человек тридцать. Мы вкусно пообедали, взяли несколько больших арбузов и пошли на речку. Расположились на берегу, купались, загорали, ели арбузы и веселились. Дело было на естественном пляже, жара была далеко за тридцать, и кроме нас, там было много народу. Нужно сказать, я к тому времени неплохо плавал.

Мы играли в догонялки в воде – бегали, ныряли, уплывали друг от друга. В какой-то момент я обратил внимание на маленького мальчика. Ему было три-четыре года. Это был симпатичный кудрявый цыганенок. Он плескался на мелководье и что-то весело кричал. Мы продолжали играть, но я почему-то все время следил за этим ребенком. Подошла моя очередь кого-то догонять, я увлекся погоней и упустил малыша из виду. Оторвавшись от игры, стал искать его глазами и не нашел: его не было на берегу, но и на воде его тоже не было!

Без малейшего сомнения я нырнул в самое глубокое место – полтора метра тогда казались мне действительно большой глубиной. Я увидел малыша зависшим между дном и поверхностью воды. Схватил его, вытащил на поверхность, уложил на траву. Мальчик тут же пришел в себя, откашлялся и, даже не заплакав, убежал.

Мне было страшно обидно, что никто не заметил. Я совершенно не задумывался о том, что я только что спас ребенка, – мне была очень важна оценка моих действий, а никто ничего не заметил. Совсем никто – ни игравшие со мной дети, ни родители. Вообще никто! Я действительно был огорчен этим фактом, но мое огорчение в принципе не могло длиться долго, и я опять увлекся игрой в догонялки.

Спустя каких-то десять минут я нырнул в очередной раз – предварительно как следует отдышавшись, практически до головокружения – чтобы нырнуть как можно глубже и получить преимущество. Я нырнул и погрузился в тишину. Голоса звучали все дальше, а какой-то странный звук все нарастал и нарастал. Я не знал, что это за звук, но какая-то сила заставила меня прижаться ко дну и распластаться на нем как камбала. Звук прогрохотал над моей головой, я успел увидеть что-то вращающееся и какой-то длинный силуэт. Сил оставаться под водой уже не было, я вынырнул, и в метре от себя увидел... винт моторной лодки!

На корме, лицом ко мне сидел молодой мужчина и испуганно смотрел на меня. Мне в тот момент показалось, что я читаю его мысли. Они скрежетали, как ржавые ворота. Человек явно не понимал, как я оказался под лодкой, и с ужасом прикидывал, какие могли бы быть последствия. А моя первая мысль такой: мне подарили дурацкие мертвые цветы.

Потом я забыл про эти цветы, но через какое-то время букеты снова появились в моей жизни. Мне понадобилось всего три букета, чтобы понять: цветы – не мое! Спустя много лет от одного очень известного актера я услышал фразу: «Цветы и конфеты не пью!» К конфетам я отношусь очень хорошо, а вот цветы в подарок не беру и сам никогда их не дарю. Для меня это табу.

Бабушка как-то сказала, что все имеет свои причины. Я понял ее слова так: если следить за событиями, обязательно найдешь закономерности. Потом,

осмысливая события этого дня, я наталкивался на разные мысли, в том числе и о том, что никто не уходит несвоевременно, и стало быть, мальчику-цыганенку было не время. Или я нарушил этот закон? И тем самым подверг себя опасности, оказавшись спустя какие-то десять минут под этой злополучной лодкой?

Мироздание – это просто и сложно одновременно. Но то, что все имеет свои причины, я запомнил навсегда. Я тогда не понимал, насколько плотна связь между событиями и явлениями в разных областях. Понимание пришло намного позже, но я не могу сказать, что оно было спонтанным, как озарение. Когда математик занимается вычислением в течение многих и многих лет – это медитация. Когда физик или химик с упорством исследуют свою ниву – это медитация. Я же исследовал мир в целом, и результаты моего исследования не всегда совпадали с мнением окружающих.

17.

В детстве я много думал о Боге. С детства я знал, что Он есть. Я не был уверен в этом, но интуитивно понимал, что не все так просто устроено в этом мире, и должен быть какой-то регулятор, механизм управления, внешний контроль.

Когда мне было десять лет, мама принесла старинную Библию. Она была на старорусском языке – со всеми ятями, вся залитая капельками воска и с удивительным запахом. Ни одна книга в моей жизни не пахла так, как эта Библия. Я начал ее читать, и мне стало интересно. Чем больше я читал, тем больше вопросов копилось во мне. Я стал искать какой-то тайный смысл, шифровку или нечто подобное. Но ничего не обнаружил. Я бросил заниматься поисками тайного смысла и решил воспринимать все так, как написано. Бог есть свет. Свет это солнце, значит Бог – Солнце! Знакомая история про бога Ра. Бог есть любовь. Вот тут проблема: я считал, что есть люди, достойные любви, а есть те, кого любить нельзя – просто не за что.

Это сейчас мне легко с людьми: мне не надо заставлять себя кого-то любить. А тогда я еще не понимал, что каждый из нас рождается в определенное время, с определенным набором характеристик, и мы такие не по нашей воле, а по воле предков. Предки своими эмоциями и реакциями на окружающих людей

сформировали события, которые произойдут с их потомками.

Самая главная фраза, которая меня искренне зацепила в Библии – «Человек создан по образу и подобию Господа!» Вот это действительно круто! Значит, Он такой же, как я, а я – такой же, как Он. Это было детское впечатление. Но мне на тот момент этого было более чем достаточно. Мне и сейчас этого более чем достаточно, и я никогда не сомневался в той трактовке, которая была принята мной в детстве. Только я еще тогда не понимал, что подобие заключается в способности творить! Мы являемся частицей Бога, каждый из нас – маленький пазл одного большого Бога, и в каждом из нас – его дыхание.

В свои десять лет я был уверен на все сто процентов: Бог один, а религии – разные. Религии – это выдумка людей! И раз Бог есть любовь, а я-то уж точно ее достоин, я Бога не боялся! С возрастом это понимание только усиливалось, становилось четче и яснее. Теперь я с Ним говорю, я прошу Его совета, я молюсь, я уговариваю Его обратить внимание на то или иное явление в нашей жизни.

Бог для меня – это справедливость. Она растянута во времени, и иногда с точки зрения одного поколения не ощущается, но с точки зрения трех-четырех поколений справедливость реализуется в полном объеме. Нужно только знать свои корни и следить за развитием событий.

18.

Я следил. Я создал для себя свой список маркеров – примет, которые помогали мне двигаться по жизни. Я смотрел свои сны. Мой первый опыт получения информации из снов связан с историей, рассказанной мне бабушкой.

Будучи совсем молодой она заказала сон: уж очень хотела знать, за кого она выйдет замуж. Ей приснился человек в военной форме, в галифе, в шинели. Он был старше ее. Когда она впервые увидела моего деда, она вспомнила свой сон и не противилась судьбе.

Потом она заказала такой же сон про свою старшую дочь и увидела голубоглазого светловолосого паренька. Бабушка тогда сказала маме: «Ты выйдешь за голубоглазого светловолосого деревенского парня. Он придет с запада». Однажды она смотрела в окно и увидела как мимо идет какой-то солдатик. Симпатичный и с голубыми глазами.

- Эльза, Эльза, - закричала она, - иди скорей сюда! Вон твой муж пошел!

Мама подбежала к окну, но он уже скрылся за углом. Через пару недель на танцах мама познакомилась с папой. Когда бабушка его увидела, она не сомневалась: это он. Моя бабушка очень любила моего отца и до самого последнего своего дня называла его исключительно на Вы, чего не был удостоен ни один мужчина в роду. А мой отец до сих пор не понимает анекдотов про тещ. Им обоим повезло.

Наслушавшись бабушкиных рассказов, я тоже захотел узнать, кто будет моей женой. Я проделал все, что она говорила, и впервые заказал сон. И увидел его. Он был коротким, точным, ярким, с деталями. Обращать внимание на детали я стал много позже, а тогда меня устроило и то, что я видел. Я не поверил своему сну. Во сне я увидел тоненькую, хрупкую, голубоглазую девочку. И она мне не понравилась. Я же ожидал увидеть там невесту - красивую, нарядную, взрослую! А тут какая-то худышка, да еще и маленькая.

Прошло много лет. Я познакомился с Натальей, мы поженились и полетели к ее родителям. Взяв альбом с семейными фотографиями, я увидел ту самую худенькую девочку из сна. Это была моя жена много лет назад. В том сне мне показали ее в режиме реального времени, но в детстве я этого не понял. Реализация этого сна заставила меня пересмотреть свои позиции и начать доверять тому, что снится. Позже по деталям я научился распознавать время наступления события.

Сейчас для меня работа во сне - наиболее приоритетная. Там я получаю массу подсказок и идей. К тому же она не такая выматывающая. Главное - создать условия: тишина и низкая температура воздуха. Ну и, конечно, правильно

заданный вопрос.

19.

Я учился в самой обычной школе. Там не было задачи сделать из нас умных и самостоятельных. Задача была другая: стране были нужны рабочие руки, а в ПТУ было полно вакантных мест. Поэтому никто нами особо не занимался, нам просто ставили оценки и спокойно переводили из класса в класс.

У нашей школы, как и у многих других школ в то время, были шефы. Нашим шефом был пивоваренный завод. Завод чем-то помогал нашей школе, хотя чем именно – я не помню, а вот то, что мы помогали заводу, я помню хорошо! Мы ходили работать на этот самый завод.

Завод находился в старинном, построенном еще до революции здании. Его на собственные деньги построил один немец, а когда пришла советская власть, он ей поверил, и стал первым красным директором своего же собственного завода. Завод был уникальный. Баварские технологии там соблюдались с абсолютной точностью, и, соответственно, качество пива было отменным. Продукция этого завода славилась по всему Уралу, Казахстану и Средней Азии.

Мы, мальчики, работали в тарном цехе. Наша задача была очень простой – переносить готовые ящики из мастерской на склад.

Ящики для пива тогда были исключительно из дерева – из очень легких дощечек. Мастера сколачивали эти дощечки, по углам прикрепляли металлические накладки – и получался ящик. Нам было интересно смотреть, как рабочие, разговаривая о том о сем, выдавали их новенькие, один за другим. Я спросил одного рабочего: «А часто по пальцам молотком достается?»

Он улыбнулся, зачерпнул из банки горсть мелких гвоздей, положил их себе в рот, разложил возле себя кучу дощечек-заготовок, перехватил молоток, закрыл глаза и тонким концом молотка стал сколачивать ящик. Без единой остановки,

одним движением забивая гвоздь по самую шляпку, и при этом ни разу ни по пальцу, ни мимо шляпки гвоздя не попал. Все точно, аккуратно, в цель! Мы стояли с широко раскрытыми глазами. Это был не просто цирковой трюк, это в цирке ты ждешь, что тебя будут удивлять, а здесь изумление было незапланированным и от этого очень сильным.

Мы тут же решили попробовать сами и попросили дать нам молоток. У рабочих как раз был очередной перекур, и нам дали возможность постучать молотками. Естественно, каждый из нас не преминул попробовать то, что только что наблюдал. Я тоже закрыл глаза. Несколько гвоздей я смог забить, но потом перехватил молоток, ударил тонким концом и вlepил себе по пальцу. Мужики заулыбались:

- Тыщу ящичков сколотишь - и тоже так сможешь.

- А сколько вы сколотили?

Мужчина улыбнулся:

- Я лет тридцать их колочу. По семь часов в день минус выходные и отпуск. На ящик уходит примерно десять минут. Вот и считайте.

Он блестяще продемонстрировал нам свое мастерство, и не было лучше примера: хочешь иметь результат - работай. Я, конечно, не собирался всю жизнь колотить ящики, но я видел что, даже это можно делать виртуозно и красиво.

После работы нам полагалась награда. Это же был пивзавод, и мы получали за ударный труд ведро пива. Полнехонькое эмалированное ведро. На двадцать пацанов. Пиво было холодным и очень вкусным. Девчонкам тоже давали ведро, но только с газировкой. Такой вкусной газировки я в своей жизни больше не припомню, а вот пиво встречал: как-то в аэропорту Мюнхена я заказал кружку пива, и оно было тем самым, которое я пил в седьмом классе. Но вообще я пиво не пью, это не мой напиток. Оно снижает интуицию и делает людей одинокими. Но если стоит длительная жара, тогда могу себе позволить один бокал, не более, и при условии, что мне не нужно работать, используя свою интуицию для получения ответов.

20.

1-ое сентября любого школьного года я вспоминаю, как один из самых несчастных моих дней! В этот день всегда начинался период, когда я не мог интересоваться тем, чем хочу. Я, как и все мои сверстники, был вынужден учить обязательную программу. Я отбывал повинность. Ни за что ни про что, но повинность. Увы, по-другому я это не воспринимал.

Я не был двоечником, нет. Но учился неважно. Не потому, что я был ленивый или глупый – просто не мог учить то, что в будущем мне никогда бы не понадобилось. Я знал, что изучение и понимание интегралов для меня, это примерно то же самое, как если бы в самую красивую комнату в доме, обставленную изящной старинной мебелью, поставить металлический верстак со слесарным инструментом. Верстак – в ту комнату, где должен быть идеальный порядок и чистота, и все на своем месте, и при этом есть простор для новых, крайне необходимых красивых вещей. Меня заставляли учить то, что мне не пригодится. Я не включал долговременную память: достаточно было выучить на пять минут, а потом после ответа выбросить из головы, как будто дом вымести. Если я не учил, то мне пытались внушить, что это крайне плохо. А я не понимал: почему плохо? Я что, стал плохим человеком?

Никогда не понимал систему ценностей, придуманных человеческим обществом, где главная ценность – создание среднестатистического человека. Мне никак не хотелось попадать в среднестатистические. Не потому, что гордыня обуяла, а потому, что догадывался о том, что могу влиять на ситуацию, как могут делать практически все люди, если понимают свою уникальность и значимость причины и следствия в этом мире. Я и сейчас не знаю, как пользоваться логарифмической линейкой. Ну, если только для начертания прямых линий.

Моим учебником был журнал «Наука и жизнь». Родители выписывали его с 1967 года. Я и сейчас с удовольствием его перечитываю – благо, что практически все экземпляры за много-много лет до сих пор в целости и сохранности. Позже к этому журналу присоединился второй. Он назывался «Химия и жизнь». Это были мои учебники. Я многого не понимал, мое

дилетантство было обширным: я знал всего по чуть-чуть, особо не углубляясь. Но даже эти минимальные знания превосходили то, что давали в школе. В журналах я читал только то, что мне интересно, и напрочь игнорировал скучные, на мой взгляд, вещи. Но со временем я понял, что наука – это не множество школьных предметов, а единое целое, и чтобы понять что-то и ответить на собственные вопросы, надо читать. Не все подряд, конечно, но все же постараться. Честное слово, я не знаю, почему я так решил. Но потом это мое решение неоднократно помогало мне в жизни. По крайней мере, к моменту появления Интернета я уже точно знал, что искать!

Как же мне не хватало в то время Интернета! Но были библиотеки, и я был записан практически во все в городе. Ждал своей очереди и читал, читал. Не могу сказать точно, сколько книг я прочитал – их было множество. Чтение сделало мою речь отличной от речи моих товарищей. Однажды я назвал одного мальчика глупцом. Не дураком, а именно глупцом. Смеялись над этим все, даже тот, кого я назвал глупцом. Это слово показалось им необычным, но не оскорбительным. Книги меняли даже мои физические реакции. Был конфликт, и вместо того, чтобы двинуть кулаком, как это было принято в моей школе, я вlepил пареньку звонкую пощечину. Это было необычно и очень эффективно. Мне потом было очень жаль этого паренька. Я потом только понял, как унизил его перед всем классом.

21.

В моем классе было двадцать девять человек: двадцать мальчиков и девять девочек. Культ силы процветал, мы были в состоянии перманентной борьбы за лидерство. Я не был агрессивным ребенком, хотя в обиду себя не давал и никогда не жаловался родителям, никогда. Тяжело оставаться неагрессивным в среде, где агрессия является преимуществом.

Спустя много лет я понял про себя одну вещь: ко мне нельзя относиться несправедливо. Я сделал этот вывод, понаблюдав за всеми, кто когда-то был не прав по отношению ко мне. Для человека, поступившего со мной несправедливо, самым безопасным возмездием была и остается моя физическая реакция, мой одномоментный выплеск энергии и трансформация эмоциональной

силы в физическую. Если же в силу обстоятельств я не мог произвести эту трансформацию, человеку становилось плохо. Плохо настолько, что жизнь его катилась под откос со скоростью курьерского поезда, а то и вовсе – заканчивалась.

Мне двенадцать лет. Старшие ребята привязали меня к дереву. Им было весело, очень весело, они ничего не делали, просто привязали меня к дереву. Сказать, что я был в ужасе, – ничего не сказать. Это была такая бурная эмоция! Она не имела слов, это было молчаливое сочетание отчаяния, злости, ненависти и несправедливости.

Инициатором был паренек, года на четыре постарше меня. И я «пробил» его. Я тогда еще не знал, что могу это делать. Лет через десять я узнал о его ужасной судьбе...

Позже было еще несколько случаев, но все они были разбросаны во времени, поэтому у меня не появлялось ощущение закономерности, пока опять не случилась несправедливость. Меня обвинили во всех смертных грехах. И ведь не врежешь в ухо. Такая ситуация.

Я лег спать в полнейшей тоске и безысходности. Долго ворочался и наконец впал в какое-то полудремотное состояние. Вдруг, слышу голос. Мужской, глубокий, очень чистый. «Хочешь, он умрет?»

Я даже не задумывался, о чем речь. Я знал. Я закричал так, как не кричал никогда в жизни:

– Н-Н-Н-ЕЕЕЕЕЕЕЕТ!

Я проснулся. Было пять часов утра. А пятью часами позже я узнал, что тот человек попал в реанимацию, и ровно в пять утра врачи констатировали клиническую смерть, но сердце смогли запустить дефибрилятором.

Это событие сделало меня крайне осторожным в эмоциях. Но понадобилось еще три случая, чтобы я, наконец-то, понял.

Кто стоит у меня за спиной? Кто решает вопросы счастья и несчастья, жизни и смерти? Кто этот судья? Я не знаю. Я слышал его однажды.

22.

Детство у меня было хорошим, правда, для этого родители работали с утра до вечера, а папа, кадровый военный, еще умудрялся подрабатывать тем, что шил шапки. Во Львове он в свое время работал помощником портного и там научился шить практически все, кроме шапок: там они особо и не нужны, а вот на Урале его умение оказалось крайне востребованным.

Первую шапку он сшил мне, и она получилась такой классной, что он сшил вторую и себе. Потом еще кто-то попросил шапку – и понеслось. В феврале 1973 года папа купил машину – дополнительную степень свободы, которую мы всей семьей использовали с огромным удовольствием.

Мы путешествовали по разным городам и республикам, и я стал замечать существенную разницу в ощущениях от изменения своего географического положения. На удалении двухсот километров разница особо не чувствовалась, но если расстояние было больше, я точно понимал: место новое, есть в нем что-то для меня непонятное, не мое, и поэтому надо быть осторожным. Особенно заметно это ощущение накрывало меня в горах. Горы я люблю не меньше моря, тринадцать лет я жил в их окружении и силе. Но тревожность в горах иногда утомляла. Я понимаю, какую энергетику они несут, и почему родившиеся в горах отличаются от родившихся на равнине. Но это понимание пришло позже, когда система знаков стала для меня объективной. Я помню слова своей бабушки. Всегда есть причина. Ищи. Смотри и увидишь.

Летом 1973 года мы всей семьей отправились на Юг. Югом в советское время был Крым и черноморское побережье Кавказа. Мы выбрали Абхазию. Хотя выбора, в сущности, не было. У папы в военной части служил солдат по имени Андрей. В мае он уволился в запас, а приехав домой, написал моему папе большое письмо, поблагодарил его за поддержку и понимание солдат срочной

службы и пригласил с семьей отдохнуть на его родине – в Гантиади, маленьком приморском поселке недалеко от Адлера. Мы сели в машину и поехали. Всю дорогу я просто с ума сходил от нетерпения! Я ни разу не видел моря!

Оно появилось внезапно, в районе Джубги, от горизонта до горизонта, невероятного цвета и невероятной красоты и силы. Тогда у меня еще не было опыта сравнения морских энергий – это было первое и самое мощное ощущение величия силы воды. Той стихии, о которой я грезил. Я влюбился в море раз и навсегда. Я и сейчас могу смотреть на него часами или идти под парусом. В море мне никогда не бывает скучно. Его энергия дает мне силы и обостряет интуицию.

Приехав, мы разместились в большом доме, в котором, кроме нас, жили еще пять семей. Дом был огромным, просто гигантским. Нам он понравился! Я быстро познакомился со всеми жильцами и, естественно, с хозяевами – родителями Андрея. Они были так благодарны моему отцу, за то, что их сын служил в нормальных условиях, что нам даже было неловко. Каждое утро они приносили нам свежие овощи и фрукты, сыр и молоко и отзывались на малейшую нашу просьбу. Они не сидели сложа руки – в их огромном саду постоянно кипела работа, но основным их доходом была сдача комнат в аренду отдыхающим. Я даже помню тариф: рубль в день за койко-место, и все места всегда были заняты! Там я познакомился с Вадимом, 20-летним студентом из Ленинграда.

Это был длинноволосый, по моде тех лет, парень с бледным лицом. Он был очень вежлив и предупредителен. Отдыхал один. Мы с ним сдружились и вместе ходили на пляж.

У Вадима был приемник, и он слушал радио. Мне всегда было очень интересно, что же он слушает – дело в том, что радио было на английском. Радиостанция называлась «Голос Америки». Я, конечно, знал, что это вражеский голос, но особо не доверял нашим СМИ. Это недоверие не было вызвано влиянием родителей, это недоверие было вызвано тем, что каждый раз, глядя на экран телевизора, я понимал, что диктор неискренен. Что ему не нравится говорить то, что он говорит. Я попросил Вадима перевести передачу. Оказывается, он слушал роман про Сталина. Довольно быстро, но очень тихо Вадим стал переводить мне на русский, а я, слушая перевод с вражеского, понял, что этот роман-то – правда. Что они не врут, что все так и было – и мания преследования, и паранойя, и страх, и Поскребышев со своей характерной фамилией. Все это

правда! Я спросил Вадима:

- А есть ли на русском нечто подобное?

- Да, есть, на коротких волнах, но здесь не поймать - «глушилки» мощные.

Вадим настроил волну - и раздался вой «глушилки». И только на самом краю диапазона я с трудом смог услышать несколько русских слов. С тех пор радио вошло в мою жизнь!

Вернувшись домой, я залез в учебники по радиотехнике, благо, дома они были, ведь папа служил в радио-технической части. Я сам установил диполь и стал слушать весь мир! Это было так захватывающе! Я ловил переговоры Мурманских лоцманов и прогноз погоды для Амдермы и Диксона. Я знал коэффициент сцепления на взлетной полосе Якутска и новости старообрядческой общины в Бразилии. Я слышал голос Китая о каких-то советских ревизионистах и об успехах северных корейцев в построении самого справедливого общества. У меня появился новый источник информации. Он шел вразрез со всем, что показывали по двум каналам ТВ, и о чем вещали на Маяке. Он был отличен от газет «Правда» и «Красная Звезда», которые заставляли выписывать пропагандисты.

Но это было позже, а пока, лежа на камнях у красивого моря, я слушал о культуре личности. Да, наверное, чтобы попасть под такое определение нужно действительно быть личностью. С большой буквы. Сталин был таким. Со своими фобиями и страхами, но он был личностью. Иначе ему бы не удалось подмять под себя огромную территорию и самое главное - разум миллионов людей, из страха или из глупости и отсутствия информации сотворивших себе кумира и назвавших его вождем всех времен и народов.

А Вадим оказался интересным собеседником. У него, кроме радио, был свой, семейный источник правды - его папа. Он назвал его имя и фамилию. Тогда они мне ничего не сказали: я был из маленького провинциального городка, далекого от большой, с точки зрения общества, культуры. Но имя я запомнил: Георгий Товстоногов. Может быть, когда-нибудь Вадим прочтет эти строки. Спасибо тебе, Вадим! За радио и ту степень свободы, которое оно мне дало!

23.

25 июля 1973 года. Мой день рождения у моря. Я получил много подарков, в том числе маску, трубку, ласты и совершенно замечательную надувную резиновую лодку «Ветерок», которая, кстати, у меня в целости и сохранности до сих пор! И еще я получил букет. Опять букет красивейших южных роз. Кто-то из жильцов нашего дома вручил мне эту красоту, но в то время я еще не пришел к выводу о маркере-цветах. Я был рад, по-настоящему рад подаркам потому, что они были к месту, потому что они мне нравились и потому что открывали новые возможности удовлетворить собственное любопытство.

Вечером мы пошли на море. Был хороший прибой, и я с удовольствием подныривал под волну, а маска позволяла мне рассматривать удивительный подводный мир. Рядом купалась девушка из нашего дома. Она приехала из Баку. Ей было восемнадцать, но для своего возраста девушка была довольно крупной. Она барахталась на самом краю, у среза воды, и не отходила от берега далее, чем на метр: не умела плавать. Я помню ее имя – Сусанна. Она была армянка. Вволю наплававшись, я вышел на берег. Взрослые сидели поодаль под зонтиком, а я, распластавшись на песке, рассматривал корабль, проходивший параллельно берегу, буквально метрах в пятидесяти. Корабль поднял большую волну – и нашу Сусанну, как спичку, утянуло в море, и никто, совершенно никто, кроме меня, этого не увидел. Я опять не думал – просто бросился за ней.

Я нашел ее на глубине. Она активно гребла руками и ногами, но погружалась все глубже и глубже. Из рта у нее вылетали пузыри воздуха. Я понял, что она пытается что-то кричать, подхватил ее и стал тащить на поверхность, до которой оставалось не более метра. И тут Сусанна вцепилась в меня так, что часть воздуха просто выскочила из легких. Я действовал инстинктивно: сколько было сил – я их все вложил в удар локтем. Ее хватка тут же ослабла, и я смог вытащить ее на берег. Сам нахлебался соленой воды, в ушах стоял шум, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Я лежал на берегу и вспоминал историю трехлетней давности. Опять день рождения, опять цветы, и опять я кого-то тащу из воды. Осталось подождать катер, который прогрохочет над моей головой. Но катера не было – его заменили объятия Сусанны. В этот раз я был героем. Девушка рассказала про происшествие родителям, и они устроили пир горой. А я тогда сделал себе записочку на память. Но помнил про нее недолго: дела, дела. Чтобы система, наконец, выстроилась, я получил букет в подарок еще раз. Но все своим чередом, расскажу и про это.

24.

Я пишу эти строки, и мне ничего не надо выдумывать, но вот больше десяти страниц в день написать не удастся. Погружаясь в воспоминания, мне сложно дифференцировать, что важно, а что нет. По сути, важно все, абсолютно все. Потому что каждая секунда моей жизни предопределяет те или иные события. Они произойдут рано или поздно. Одни – в ближайшем будущем, другие – в более позднем периоде, а третьи – когда меня уже не будет. Но все-таки есть ключевые, реперные точки, переворачивающие судьбу каждого из нас, и эти поворотные пункты хорошо бы всем замечать. Но в повседневной жизни мы чаще проходим мимо них.

Я старался такие моменты запомнить, но опыта и знаний было недостаточно. Были довольно жесткие события, но я их как-то игнорировал: в детском возрасте аналитикой мало кто занимается, тем более в глобальном масштабе. Но вычислить для себя опасное время в жизни я все же сумел достаточно рано.

1974 год, 8 мая. Мне тринадцать лет. Предвкушение замечательного дня, моего любимого праздника – Дня Победы. Этот праздник был любим не только мною, но и всеми вокруг. Я родился спустя всего лишь пятнадцать лет после той страшной войны, и застал время, когда ее участники были еще молоды и полны оптимизма. В этот день все школьники всегда ходили на митинг, а на следующий день в нашем доме или у кого-то из родственников собиралась вся моя родня.

Я с удовольствием смотрел на ветеранов, я рассматривал их награды. Я сожалел о том, что родился поздно, и что никакой войны в ближайшее время не предвидится, тем более что огромное количество людей искренне молилось за мир в своих домах и в стране, и никакая сила не могла оставить эту мольбу не услышанной. К сожалению, тех людей все меньше и меньше, и тех, кто просит за мир, становится все меньше и меньше, и сила мольбы, просьбы, обращения уже не та, и я вижу рост агрессии у людей, которые забыли, что такое война, а напомнить им весь ужас, к сожалению, уже некому. Все помнят о Великой Победе, но мало остается тех, кто знает ей цену. Это проблема, это величайшая проблема нашей памяти, памяти поколений. В то время о войне многие знали лично. Не по книгам и фильмам, а видели ее своими глазами. Они особо не распространялись о ней. Они даже словом не хотели будить лихо и долгие годы им это удавалось.

С утра у меня было странное ощущение. Надо было идти на митинг, слушать мои любимые марши – «Прощание славянки» и «Вход Красной Армии в Будапешт» – в исполнении городского духового оркестра, смотреть на солдат, вооруженных карабинами СКС с примкнутыми блестящими штыками, дожидаться торжественного салюта и радостно идти домой в ожидании завтрашнего дня, праздничного стола и встречи моей многочисленной родни, но я не хотел.

– Я, наверное, не пойду на митинг, я вас дома подожду.

– Ты не заболел? – спросила мама.

– Нет, просто не хочу.

Она не настаивала. Я остался дома. Включил телевизор и увидел фильм про войну. Нет, надо идти. А то как-то неправильно будет.

И я побежал к своей школе, где был общий сбор и мы, построившись классами в колонну, отправились на митинг. Он проходил недалеко от дома, возле старого городского кладбища – там была огромная братская могила солдат, умерших в городском военном госпитале во время войны. Были речи, были марши, но настроение мое почему-то не менялось.

После митинга мы дружной ватагой пошли домой. Мы шли через какую-то строительную площадку и, как все дети, решили немного развлечься, преодолевая многочисленные препятствия. Я шел по бетонному ригелю на высоте шесть, семь метров, было страшно, но весело. Я не боялся высоты и уверенно шагал, тем более что ригель был достаточно широким, сантиметров тридцать шириной.

В какой-то момент время для меня остановилось: я вдруг увидел летящий в меня камень, он летел медленно-медленно, как в замедленном кино. Я располагал огромным, как мне казалось, неограниченным количеством времени, я осмотрелся вокруг, увидел торчащие подо мной куски арматуры, просчитал траекторию полета и понял, что камень летит мне точно в голову. Я не стал отклоняться, только слегка повернул голову так, чтобы камень не прилетел под прямым углом и не сбил меня с ног. И в этот момент скорость этого мира стала обычной, камень острым краем рассек мне кожу на голове, и к моменту преодоления препятствия моя белоснежная рубашка с одной стороны сравнялась по цвету с моим красным галстуком. Больно не было, было удивительно от того, что я видел. Остановившееся время.

Кровь хлестала ручьем, я зажал рану рукой и побежал в сторону дома. Правда, домой я так не зашел: я подумал, что мой внешний вид может сильно напугать маму, поэтому забежал к соседям.

Дома у соседей оказалась их дочка, года на три старше меня. Вот про то, что ей может стать плохо, я как-то не подумал. Она открыла дверь, увидев мою алую расцветку, схватилась за косяк и тихо присела. Мой спокойной голос привел ее в чувство. «Не бойся, мне не больно. Это всего лишь глубокая царапина. Сотрясения у меня нет точно.» К тому моменту я уже знал, что такое сотрясение мозга – имел опыт полета с турника, на котором накручивал «солнышко». В тот раз я отвалился пять дней без движения, потому что мне врачи запретили двигаться, а на шестой сел на велосипед и помчался, как будто ничего и не было. В тот раз время не останавливалось, я просто сорвался с турника и только что успел выставить руки вперед. В этот раз все было намного лучше. Ни тошноты, ни рвоты, только воспоминание о глобальной, какой-то мировой тишине и отсутствии времени у всех, кроме меня.

Соседка собралась, быстро нашла бинт и достаточно неумело стала меня бинтовать. И надо же так случиться, что именно в этот момент в дом вошла моя мама! Причину не помню, но зашла она крайне несвоевременно. Она и сама до сих пор не знает, что ее привело. Я думаю, ее привело то, что на моей голове появился очередной шрам. Она всегда меня хорошо чувствовала. И зашла. Ни раньше, ни позже.

Увидев эту картину, она побледнела, охнула и схватилась за сердце. Я как мог ее успокоил, но она сказала, что надо вызывать «скорую» – попросила соседку сбегать в магазин, где был единственный на всю округу телефон, а мы пошли домой. Она сняла с меня пропитанную и уже негнущуюся от запекшейся крови рубаху, теплой водой вымыла мне голову, стараясь не попасть на рану, и наложила новую повязку. К этому моменту приехала «скорая помощь», меня отвезли в травмпункт, где дежурил друг отца, военный врач. Он зашил мне рану, красиво наложил повязку, поздравил с наступающим праздником и дал команду водителю «скорой» отвезти нас с мамой домой.

В этот самый момент в здание травмпункта вбежал папа. Кто-то участливо сообщил ему, что мне в двух местах пробили голову, и соответственно этой информации он и выглядел. Его друг сказал, что ничего страшного нет, через неделю снимет швы.

По дороге я выслушал длинную лекцию по поводу моего поведения и бестолковости, и на неделю стал школьным Щорсом: песня об обвязанной голове, окровавленном рукаве, кровавых следах на сырой земле просто преследовала меня. Я не обращал на этот юмор никакого внимания – меня все время накрывало воспоминание о замедленном времени. Это было впервые. Это было крайне необычное и невероятно захватывающее ощущение. Я пытался попасть в это состояние еще раз, но без реальной опасности у меня ничего не получалось, а провоцировать опасность особого желания не было. Но когда время замедлилось в следующий раз, я уже знал, что делать.

Конечно, иногда я огорчал родителей плохими оценками или какими-нибудь хулиганскими выходками – и такое было, все-таки улица есть улица, и мне тоже хотелось как-то выделиться в толпе сверстников, и порой я оступался, следуя по пути Дарвина. Но в какой-то момент я понял, что путь этот – тупиковый: выживает не сильный физически, а сильный интуитивно.

В моем доме было два примера. Пример папы – негибкая воля и совершенная невозможность поступиться принципами. Принципы его были простыми, и не он их придумал. Он получил их от своих предков, и заключены они в десяти заповедях, о которых знают все, но не все исполняют. Он был и остается очень авторитетным человеком. Сила его не физическая, а духовная.

Помню как однажды он в два счета утихомирил огромного пьяного верзилу, сельского кузнеца. Тот был в два раз больше моего папы, и я с ужасом думал, что этот амбал разнесет все и вся. Но папа оказался круче.

Для меня этот случай был большим подспорьем в разных жизненных ситуациях. И самое главное – я понял: если ты прав и справедлив, ты победитель.

Мама всегда мягкая, как вода. Но физика и сила воды в том, что она несжимаема. Так и моя мама – несжимаема! Она крайне редко включала свои волевые характеристики, но если уж была необходимость, то становилась кристаллом, тверже алмаза. Она всегда надеялась исключительно на свои ощущения.

Когда была беременна мной, врачи в один голос говорили ей: эта беременность вас разрушит, вы умрете. У мамы с войны была сильнейшая аритмия и порок сердца после перенесенной в одиннадцать лет тяжелой ангины. Она шла на реку за водой и провалилась в полынью. Был декабрь – и мороз под тридцать. Ангина была ужасная, лекарств не было, и как результат – сердце дало сбой. Врачи тоже люди и имеют право на ошибку, но моя мама не ошибалась. Она сказала: ну умру, так умру. Пришло время моего появления на свет. Я родился очень крупным – 4650 граммов, доктор Куклин шлепнул меня по толстой белой попе, я закричал, а мама сказала:

– Ну вот я и не умерла.

Я появился – и маме стало лучше. Она и сейчас говорит: «Когда ты приезжаешь, я совершенно не болею».

26.

Мне явно не хватало знаний, но я решил не продолжать учебу в школе, а после 8-го класса подал документы в медицинское училище. У меня тогда уже был кое-какой авторитет, поэтому вслед за мной еще восемь мальчиков и одна девочка – та, что в первом классе «сдала» меня учительнице за чтение книги на уроке, подали документы на фельдшерское отделение.

Было несколько причин, определивших мой выбор. Во-первых, медицина всегда была мне интересна как стык огромного количества наук. Во-вторых, медучилище было самым близким к дому учебным заведением. И, в-третьих, там много девчонок! Именно так, чего уж тут скрывать.

1-го сентября 1975 года меня выгнали с лекции по анатомии за отвратительное поведение. Девчонок было действительно много, и я много хохмил. Преподаватель анатомии попросила меня выйти из аудитории и повеселиться на свежем воздухе. Настроение было прекрасное, и мысль о том, что все начинается как-то не так, особо меня не занимала. Я пришел домой, и мама спросила, почему утром я пошел из дома в противоположную сторону, ведь школа находится совсем не там. «Мама, я уже не учусь в школе, я учусь в медучилище». Мама удивилась, но мой выбор одобрила. Папа тоже поддержал мое решение.

Учеба в медучилище была для меня компенсацией потери времени в школе. Я учился! Там я действительно учился, и все дилетантские знания, почерпнутые в журналах, получили развитие на весьма серьезном уровне. Мне было страшно интересно изучать процессы, происходящие в человеческом организме. Я зубрил анатомию, латынь, физиологию и мой любимый предмет – психиатрию. Когда-то в детстве мне попала книга. Она назвалась просто: «Гипноз». Это явление захватило меня целиком и полностью. Именно из этой книги я узнал о Мессинге.

Мне очень хотелось понять и применить эти знания – и я учился!

Система обучения в медучилище была замечательной! С восьми до часу – практика в стационаре. С трех до восьми – получение теоретических знаний. Первые полгода только теория, а потом понеслось! Четыре года в таком жестком ритме, и всегда с удовольствием. Мы уставали, мы страшно уставали, но нам нравилось.

Не скажу за всех, но я был счастлив! Я первый в своей группе сделал внутримышечную инъекцию больному, я первый внутривенно ввел хлористый калий пациенту, страдающему тяжелейшим расстройством психики – обычный больной испытывает весьма неприятные ощущения от такой инъекции, а что уж тут говорить о необычном больном; я первый сделал надрез, ассистируя хирургу. Я не боялся, я учился и практиковался, потому что понимал: это мое, и мне надо все это знать, и все это пригодится в моей жизни.

Мне пригодилось все. Даже сон на лекциях по фармакологии, которую читали на последней паре, и я уже был настолько измотан за день, что бодрствовать просто не было сил. Во сне я запомнил все, и когда уже учился в фармацевтическом институте, фармакология, технология лекарственных форм и токсическая химия были для меня самыми легкими предметами. Я даже проводил консультации по ним перед сдачей зачета или экзамена.

В медучилище не выучить что-то, на мой взгляд, было невозможно. Там я все время был в состоянии экзамена, и именно там я впервые понял некоторые закономерности в развитии заболеваний. У меня было огромное количество статистических данных и возможность исследовать эту статистику. Помню, однажды на практике в психиатрической больнице доктор, руководитель практики, рассказал, что диагноз шизофрения имеет сезонный характер, и более 80 % больных рождены в период с декабря по февраль, и что сезонность выражена также в фазах обострения и ремиссии. Меня все это очень заинтересовало! Мне было интересно наблюдать, что рисуют больные алкогольным делирием: несмотря на разный социальный статус, пол и возраст, их рисунки были удивительно похожи друг на друга – на них были очень страшные черты. Как же все это было интересно!

Выпускные государственные экзамены я сдал на одни пятерки. И не пользовался своим методом определения билета, на который знаю ответ. Я просто учил.

27.

Однажды в наш город приехал известный гипнотизер, и мы всей группой пошли на представление. У меня тогда уже были кое-какие знания об эриксоновском гипнозе, но я никогда не видел, как это происходит вживую. Мы пришли в театр. Я сел близко к сцене и просто впитывал все происходящее. Я запомнил энергетику артиста, его эмоции, его жесты и мимику, его голос, глубину, четкость и ясность в произношении. На следующий день в библиотеке училища я забрал всю литературу по гипнозу, в течение недели тщательно ее изучал, и вот, решился на эксперимент.

Вечером, усадив на диван двух своих сестер и сестру своего зятя Ольгу, я попросил их внимательно меня выслушать, не отвлекаться, не хихикать, а просто слушать. Я достал учебник и слово в слово, вспоминая недавнее представление и маэстро на сцене, прочитал формулу. «Я буду считать до тридцати, и при слове тридцать вы уснете. Один! С каждой единицей счета желание спать усиливается, усиливается, усиливается... Два». Оля уснула при счете двадцать. Она спала и никого, кроме меня, не слышала. Сначала мне показалось, что это розыгрыш, но потом, к своему дикому восторгу и восторгу сестер, в силу веселого характера так и не попавших под влияние моего голоса, я понял, что погрузил ее в гипнотический сон. Я сказал ей: «Проснись!» Она проснулась.

Мы втроем, наперебой, стали рассказывать ей, что она спала и выполняла какие-то команды. Она нам не поверила. Тогда я посмотрел на нее и сказал: «Спать!» Она тут же снова уснула. Я включил магнитофон на запись и попросил Олю спеть песню из мультфильма. Дело в том, что у Оли не было музыкального слуха и голоса. Никто из нас никогда не слышал, как она поет. Она запела, и я записал это на пленку. Затем разбудил ее и сказал, что она сейчас пела песню

из мультфильма. И включил запись. Для нее это было потрясением и шоком. Она сильно смутилась, и я понял, что как-то не правильно использовал вдруг оказавшуюся в моих руках власть. Она попросила прекратить эксперимент и немного обиделась. Я, очень довольный результатом, согласился, и мы отправились пить чай.

В следующие три дня мы практически не виделись и не вспоминали об этом эксперименте, но на четвертый день Ольга взяла в руки утюг, собираясь что-то погладить. Я сказал ей: «Оля, осторожно, утюг горячий!» Оля швырнула утюг в сторону с такой силой, что он оставил вмятину на штукатурке. Я понял, что она продолжает оставаться под моим тотальным контролем. Не надо ничего произносить, никаких формул – стопроцентный контроль, и как вывести ее из этого состояния, я не знаю.

Паники не было. Надо было просто пойти в библиотеку и читать – искать способ. Я нашел его не сразу – примерно пару дней у меня не получалось, но в конце концов мне удалось вернуть ее в норму. Ольга до сих пор меня побаивается. А я стал задумываться о возможностях человеческой психики.

Если такая элементарная формула приводит к таким последствиям, то, вероятно, этим пользуются люди с трибуны. И я стал искать ключи – слова. Мне понадобилось много лет, чтобы найти эти ключи. Я их нашел. Ключи для управления отдельными людьми и для управления людьми в целом. После этого эксперимента я стал достаточно глубоко изучать нейрофизиологию, но в те времена материала было мало, отдельные научные публикации не позволяли увидеть всю картину в целом, отсутствие в печати работ иностранных специалистов также не давало мне продвигаться в этой области. И только с наступлением эры Интернета я получил необходимый объем материалов.

Медицинское училище дало мне старт в профессию, именно там я понял, что много не знаю, и что в медицине интуиция имеет первостепенное значение.

Однажды мы были на практике в родильном доме. Был час пик – одновременно рожали восемь женщин.

Все родильные столы были заняты, а две дежурных акушерки и врач метались от одной роженицы к другой. Мы знали теорию, а здесь была практика, и практика очень жесткая. Опытная акушерка быстро сориентировалась, кто из женщин родит легко и просто, и распределила нас по столам.

Мне досталась женщина, которая рожала четвертого ребенка. Она сказала:

– Не бойся ничего, главное не мешай! Я рожу минут через пятнадцать. Как ты думаешь, кто это будет?

– Девочка. Я думаю, что девочка.

– Я тоже так думаю. Мне девочку надо. Тем более, у меня уже есть три мальчика.

Тогда не было УЗИ, и до появления ребенка на белый свет никто не знал, кто это будет – мальчик или девочка.

Родилась девочка весом 3800 граммов, и по шкале APGAR я поставил ей высший балл. Женщина сказала: «Иди в гинекологи, у тебя получится, я уверена. Я родила четверых детей и знаю, что дети чувствуют того, кто первым встречает их на этом свете. Ты ей понравился!»

Впоследствии я понял, насколько она была права, и при появлении на свет своих детей всегда внимательно следил за тем, кто именно будет принимать роды. Мне не удалось проконтролировать это только со старшим сыном Евгением: он родился на Урале, а я в это время был на Чукотке.

Да, медицина, как и многие другие сферы человеческого бытия, требует не только знаний, но и интуиции. И часто интуиции – особенно. Работая фельдшером «скорой помощи», не имея ни экспресс-анализов, ни медицинской карточки пациента, полагаешься только на собственный опыт и интуицию. Самостоятельного опыта у меня тогда было еще маловато: практика в училище была хороша, но явно недостаточна. Одно дело – принимать решение под контролем докторов, отработавших по пятнадцать-двадцать лет, и совсем другое – выстраивать тактику и стратегию в условиях жесточайшего цейтнота, когда дорога не минута, а секунда, и цена этой секунды – жизнь человека. Моя первая медицинская потеря случилась на практике.

Я работал в реанимации городской больницы. Дежурный доктор отправил меня в палату интенсивной терапии, где умирала тридцатилетняя женщина. История ужасная сама по себе: женщина из деревни, глухой деревни, где ни больницы, ни аптеки, вообще ничего. У нее заболело ухо, и она терпела боль, терпела так долго, что банальный отит перешел в абсцесс головного мозга, и сделать было уже ничего нельзя. Доктор сказал мне: «Сиди и смотри, ты это тоже должен видеть. Периодически коли ей промедол и фиксируй все, что видишь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/aleksandr-litvin/vyshe-boga-ne-budu-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-litvin/vyshe-boga-ne-budu-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)